

УДК 94(571.54+2)

ЦЫРЕМПИЛОВА Ирина Семеновна — доктор исторических наук, доцент, и.о. проректора по научной работе Восточно-Сибирского государственного института культуры (670031, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1; irina161073@mail.ru)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ИНСТИТУТЫ НА ТЕРРИТОРИИ БУРЯТИИ В 1920–1930-х гг.: СПЕЦИФИКА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье на конкретных примерах рассматривается специфика и трансформация государственно-церковных взаимоотношений на территории Бурятии в 1920–1930-х гг. Выявлено, что региональные геополитические и историко-культурные особенности определили эволюцию этих взаимоотношений от партнерства до противостояния. Это показано на примере основных событий этого периода: государственной регистрации, обновленческого раскола, закрытия и ликвидации культовых зданий, антирелигиозных практик и др.

Ключевые слова: государственно-церковные взаимоотношения, религиозные институты, региональная власть, Бурятия

Сложность и пестрота конфессионального пространства современной России, продолжающаяся полемика о месте и роли религиозных институтов в государстве и обществе, отсутствие корректной и взвешенной политики в вероисповедной сфере актуализируют изучение уникального исторического опыта государственно-конфессиональных взаимоотношений. Именно в рассматриваемый период (1920–1930-е гг.) произошла кардинальная трансформация этих отношений — от лояльных и партнерских в годы установления советской власти и Гражданской войны до конфронтации, обусловленной реализацией нормативно-правовой базы по отделению церкви от государства. При этом важным является анализ этого процесса в контексте региональной специфики.

На территории Бурятии региональные геополитические и историко-культурные особенности принципиально влияли на эволюцию государственно-церковных взаимоотношений. При этом стоит отметить, что на территории региона происходило многовековое взаимодействие и взаимовлияние всех основных вероисповеданий, которые внесли значительный вклад в формирование духовной сферы и системы нравственных ценностей общества. Период 1917–1922 гг. характеризовался перманентной сменой власти и политических режимов, постоянными административно-территориальными изменениями, что естественным образом сказывалось на положении религиозных институтов.

Самой крупной и многочисленной конфессией по числу верующих была Русская православная церковь (РПЦ). По данным на 1922 г., на территории Бурятии насчитывалось 211 православных приходов, 154 культовых здания, 83 234 верующих. Следующей по числу верующих (77 830 чел.) была буддийская конфессия. К ее особенностям можно отнести неравномерное распределение 46 культовых зданий — дацанов по территории республики: в восточных аймаках (районах) было 38 дацанов, а в западных — 8. Первенство по численности духовенства принадлежало буддийской конфессии (всего 7 419 чел.), где в среднем на одного ламу приходилось до 10 верующих, в РПЦ, соответственно, один священнослужитель (всего 137 чел.) — на 600 чел.¹

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 130. Л. 53-54, 59-60.

Следующей по численности конфессиональной группой верующих были старообрядческие общины (22 700 чел.). 81 приход входил в состав Иркутской и Амурской и всего Дальнего Востока старообрядческой епархии (1911 г.), епископом которой был рукоположен о. Иосиф [Васильева 2007: 51].

Центры иудейского, мусульманского и римско-католического вероисповеданий располагались в местах компактного проживания евреев, татар и поляков. Крупным религиозным центром был г. Верхнеудинск (с 1934 г. – Улан-Удэ), где наряду с 12 православными культовыми зданиями имелись синагога, мечеть и костел. В целом, по данным официальной статистики, региональное конфессиональное пространство было представлено следующими данными: 184 784 верующих, 357 религиозных объединений, 299 культовых зданий, 7 656 священнослужителей¹.

Конструирование новых государственно-конфессиональных взаимоотношений происходило в начале 1920-х гг. – в годы становления национальной государственности республики. Это был период лояльных взаимоотношений, одним из показательных примеров которых является совместная помощь органов местной власти, различных общественных и религиозных организаций голодающим Советской России. В это же время был начат процесс лишения юридической силы права всех религиозных учреждений на ведение актов гражданских состояний и передачи его местным властям.

Реализация известного декрета ВЦИК РСФСР 1922 г. «Об изъятии церковных ценностей» на территории Бурятии не была осуществлена в полной мере. Этот вопрос рассматривался 3 марта 1922 г. на заседании Бурят-Монгольского обкома РКП(б), на котором было принято следующее решение: «Впредь до утверждения Сиббюро ЦК РКП(б) от проведения в жизнь декрета воздержаться»². Данное решение стало причиной того, что изъятие церковных ценностей не проводилось в масштабах кампании и не привело к обострению государственно-церковных взаимоотношений.

После образования Бурят-Монгольской АССР (1923 г.) начала проводиться регистрация религиозных обществ как «обществ, не преследующих целей извлечения прибыли». Единственное религиозное сообщество, которое отрицательно восприняло решение государственных органов о регистрации, – старообрядческие общины. Данный вопрос рассматривался 15 января 1924 г. на специальном закрытом заседании бюро Бурят-Монгольского обкома РКП(б), где было предложено осуществить пропагандистские мероприятия в среде старообрядцев для ознакомления с декретом советской власти и «в целях воздействия прибегнуть к опечатаванию двух-трех моленных домов»³. Несмотря на принимаемые меры, регистрация старообрядческих общин стала проводиться только с 1926–1927 гг.

Политика местных властей по отношению к буддийской конфессии определялась общими установками центра по антирелигиозной борьбе, но с учетом особенностей региона. Так, на закрытом заседании президиума Бурят-Монгольского бюро РКП(б) 23 октября 1923 г. рассматривался вопрос «О ламайском духовенстве». Особо отмечалось, что «борьба с ламаизмом должна вестись со всей энергией и всеми средствами и методами, какими обладает Советская власть и Коммунистическая партия. Но, принимая во внимание положение Бурятии, как культурно-политического буфера между СССР и Дальним Востоком, необходимо в деле борьбы с ламством подойти к делу с особенной чуткостью и осторожностью политического такта»⁴.

¹ Там же.

² Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 4. Л. 41.

³ ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 377. Л. 5.

⁴ ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 247. Л. 27.

Следующим шагом со стороны государства в процессе решения религиозного вопроса стал обновленческий раскол, который на территории Бурятии проявился и в православии, и в буддизме. Отметим, что борьба обновленцев (живоцерковцев) и староцерковцев (тихоновцев) в РПЦ, обновленцев и консерваторов среди буддийского духовенства была вызвана не только стремлением властей подорвать церковь изнутри, но и стремлением самого духовенства приспособиться к новым историческим условиям. Обновленцы вынуждены были реагировать на политические события и пытались приспособиться к новым социокультурным реалиям. Советская власть, не справившись в первые годы своего существования с влиянием религии, переходит к изменению тактики – к поддержке обновленческого раскола. Власть в целом стремилась, как говорилось в «Тезисах по ламскому вопросу» М.Н. Ербанова, «всеми мерами и путями углубить обновленческое движение и придать ему широкий общественный характер»¹. В целом, обновленческий раскол в буддийской и православной конфессиях проявился в борьбе по организационным, экономическим, финансовым, имущественным и отчасти богословским вопросам и сопровождался агитационной кампанией, взаимными обвинениями, захватом храмов и др. Однако это было конформистское движение, получившее поддержку советской власти и потому не нашедшее поддержки у населения [Цыремпилова 2014: 70].

Принятие только 17 декабря 1925 г. постановления ЦИК и СНК БМАССР № 221 о проведении в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви обусловило дальнейшее развитие государственно-конфессиональных взаимоотношений². Задержка принятия документа объяснялась поисками особых форм применения законодательства по отношению к религии в специфических геополитических условиях региона. Большинство пунктов постановления определяли правовое положение буддийского вероисповедания, однако основные положения постановления распространялись на все конфессии.

В ходе реализации постановления Бурят-Монгольский обком партии на заседании от 10 февраля 1926 г. поручил СНК Буреспублики «а) уничтожить право собственности и право юридического лица религиозных обществ и организаций; б) идти к уничтожению всяких принудительных сборов, собираемых этими организациями и отделенными лицами; в) к прекращению участия духовных лиц в воспитании и образовании молодежи; г) создать гарантию недопущения светского образования в религиозных школах и наоборот религиозного образования в светских школах»³.

В 1925 г. в республике была создана комиссия по религиозным вопросам. Основными задачами комиссии были проработка, руководство реализацией декрета об отделении церкви от государства и контроль за всеми мероприятиями по его осуществлению. 25 декабря 1925 г. постановлением бюро обкома РКП(б) учреждаются аналогичные комиссии по религиозным вопросам при районных (аймачных) комитетах.

С рубежа 1920–1930-х гг. происходит кардинальное изменение государственно-церковных взаимоотношений. Нормативно-правовая база, а именно постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» (1929 г.) ставило жизнь религиозных общин под абсолютный контроль государственных органов. Развернувшаяся на всех направлениях антирелигиозная борьба имела научное обоснование, отвечала задачам экономической и социокультурной модернизации и была востребована обществом.

¹ ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 657. Л. 41.

² ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 1. Д. 189. Л. 39.

³ ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 955. Л. 2.

Органы власти начали использовать все возможные способы воздействия на религиозные институты как факты социальной устойчивости и пережитки прошлого. В 1930-е гг. ликвидационный процесс религиозной составляющей включал в себя следующий комплекс мер: изъятие культового имущества, снятие колоколов, ужесточение финансового давления в виде налогообложения духовенства и религиозных организаций и др. Жесткое администрирование, чрезмерное регулирование внутренней жизни религиозных общин, необоснованные факты закрытия культовых зданий, активные формы и методы секуляризации духовно-нравственного сознания населения в полной мере проявились и на территории Бурятии. В фонде секретариата ВЦИК по делам культов (ГАРФ, Р-5263) находится большое число дел о закрытии культовых зданий. Если в 1922 г. на территории республики действовали 357 религиозных объединений и 299 культовых зданий, в 1930 г. — 305 объединений и 247 зданий, то к 1935 г. их число сократилось до 129 и 151 соответственно¹.

Закрытые молитвенные здания передавались в так называемое «безвозмездное пользование государству и народу», создавались особые комиссии «на предмет определения возможности и целесообразности использования означенных зданий и установления необходимых для этого ремонтных работ». Так, по г. Верхнеудинску: Николаевская церковь была передана под железнодорожную библиотеку, Вознесенская — под столовую общественного питания рабочих и служащих кожевенного завода, Михаило-Архангельская — под клуб и трудовую школу, Одигитриевский собор — под временные курсы стройкадров (с 1934 г. — антирелигиозный музей), Иннокентьевская часовня — под столовую общественного питания², еврейская синагога — под еврейскую национальную школу, римско-католический костел — под столовую общественного питания рабочих и служащих водного транспорта. Старообрядческие церкви и молитвенные дома в с. Десятниково, Харитоново, Куйтун Тарбатайского аймака были переданы под зернохранилища и складские помещения колхозов; Чесанский дацан со всеми дуганами — под нужды Чесанской МТС; церковь в с. Большая Кудара Кяхтинского аймака была разрушена, а кирпич и цемент использованы для постройки гаража, в с. Киран — была передана под склад зерна колхоза и т.д.³

Наряду с закрытием культовых зданий на территории Бурятии начались широкомасштабные репрессии против духовенства и верующих. Основным их мотивом было то, что церковь препятствует росту колхозов, торпедирует активность бедняцко-средняцких масс, ведет контрреволюционную, антисоветскую пропаганду. Активные сторонники сохранения религии, сопротивлявшиеся закрытию храмов, арестовывались, приговаривались к различным срокам заключения; часть из них были высланы за пределы республики [Базаров 1995: 72]. Исходя из пополняемой базы данных республиканской Книги памяти жертв политических репрессий, в период 1929–1941 гг. были репрессированы 1 701 служитель буддийской церкви, 101 православный священник, 24 старообрядческих служителя культа⁴.

В эволюции государственно-церковных взаимоотношений 1920–1930-х гг. большое значение имеют антирелигиозные практики, сыгравшие свою роль в секуляризации общественного сознания. Основными каналами этой работы являлись периодическая печать и личное взаимодействие. С широким разма-

¹ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 130. Л. 59-60.

² Жалсараев А.Д. 2001. *Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии XVII–XX столетий*: энциклопедический справочник. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство. С. 248, 252, 255.

³ ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 3. Д. 112. Л. 3; Д. 144. Л. 3.

⁴ Архив Управления ФСБ России по Республике Бурятия (АУФСБ РФ по РБ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 207-208.

хом проводилась лекционная работа, вводились новые советские праздники и ритуалы. Распространенными формами агитации и пропаганды были кружки, библиотеки, курсы, кино, митинги, шествия, театральные представления, которые способствовали внедрению в широкие массы нового, антирелигиозного быта¹.

Вместе с тем во второй половине 1930-х гг. наблюдается активность религиозных обществ. В оперативных сводках НКВД 1937 г. указывалось на активизацию верующих в связи с принятием Конституции 1936 г. В феврале 1937 г. Центральный совет СВБ провел обследование антирелигиозной работы и деятельности религиозных организаций в БМАССР. Особенно отмечалась активизация ламаизма, шаманства, старообрядчества [История Бурятии 2011: 180].

К 1940 г. был окончательно решен религиозный вопрос. На территории республики была ликвидирована религиозная инфраструктура, не осталось ни одного действующего храма, культовое имущество было национализировано, а духовенство подверглось террору и насилию. Однако в вопросе искоренения религиозного и насаждения атеистического мировоззрения данная политика не принесла ожидаемых результатов. Антирелигиозная пропаганда, напротив, способствовала росту религиозности. Власть не смогла поставить под контроль духовную жизнь общества, верующие вынуждены были скрывать свои религиозные чувства и их проявления.

Таким образом, региональные особенности предопределили специфику и трансформацию взаимоотношений политической и конфессиональной составляющих общественного развития Бурятии в 1920–1930-е гг. Противоречивая реакция верующего населения на происходящие перемены, попытки встраивания религиозных институтов в новые политические и социокультурные реалии, маневрирование региональной власти свидетельствуют о сложности и неоднозначности развития государственно-церковных взаимоотношений.

Список литературы

Базаров Б.В. 1995. *Общественно-политическая жизнь 1920–1950-х годов и развитие литературы и искусства Бурятии*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 193 с.

Васильева С.В. 2007. *Власть и старообрядцы Забайкалья (конец XVII – начало XX вв.)*. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. 233 с.

История Бурятии: В 3 т. Т. 3. XX–XXI вв. 2011. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 464 с.

Цыремпилова И.С. 2014. Обновленческое движение в буддизме на территории этнической Бурятии как социокультурное явление в 1920-е гг. — *Известия Иркутского государственного университета*. Сер. История. № 9. С. 66-71.

¹ ГАРБ. Ф. 581. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.